

ХУЖЕ ВСЕГО поэтов знают родители.
Сколько бы раз его в хлам непотребным
не видели,
До полусмерти избитым — а вышел
развестись —
Все же надеются.

Ночь до рассвета не спят, ожидая заблудшего,
Трубку боятся поднять, опасаются худшего,
Злостью закрыв облегченье, кричат, что
не нравится
Жизнь им его — ну а он обещает исправиться.

Вроде дождались, вдохнули — «Ну вот,
успокоился»,
Вроде печатают, вроде работать устроился,
Вроде — жена и ребенок. Звонок в мае месяце:
Горе у нас. Сын ваш ночью повесился.

КАЖДУЮ НОЧЬ превращал воду в вино.
За три часа — четверть банки, уже результат.
Утром, опробовав выход, кричал в небеса,
Будто на связи, и звал Иисуса-1,
Сам же себя называл Иисус № 2.

Делал доклад, говоря, то пора начинать
Новый поход. Заявлял, что противник готов
Сдаться без боя, а значит, потерь на войне
Больше не будет. Считал, будто старый приказ
Бесов гонять из людей бестолков и не нужен.
Тайной торговлей людей опускал до скотов.
Звал себя Внешней Разведкой и верил,
что Петр
Двери ему распахнет и поклонится в ноги.

Каждое утро выходит на связь с тишиной.
Если ответят, то, видимо, это конец.

ЧТО-ТО со мною не так, что-то со мною не то:
Время летит кувырком, и не могут дела
устаканиться.
Видно, оставлен — не держит никто за пальто,
Видимо, ангел-хранитель мой — лодырь
и пьяница.

Каждое утро его начинается где-то в обед.
Морду свою, не побрив, из квартиры выходит,
Чешет к соседу, который сегодня свободен,
А потому с десяти правит водкой портрет.

Рады друг другу, ведь пить одному тяжело.
Сядут на кухне и ну говорить за свободу,
Хаять своих подопечных — гнилую породу,
Если бы дали других — вот бы дело пошло.

Так вот сидят и киряют всю ночь напролет.
Утром мой ангел водички попьет из-под крана,
Скажет себе, что не нищий, а значит, и рано
Встать ни к чему — пусть Господь другим подает.

Друг мой, я знаю — опять голова тяжела,
Только скрывать всю жизнь от меня некрасиво.
Если зайдешь, то, конечно, подлечимся пивом,
После — по сто пятьдесят и обсудим дела.

Вот я и жду, когда делом займется сосед,
Вроде он в верхних кругах служит высшим
идеям.
Ангел ко мне постучит, чтоб поправить портрет,
Если нормальный мужик — договориться сумеем.

В НОГИ СВОЙ вес опусти, чтоб стоять
монолиту подобно,
Руки-замки на железные трубы закрой.
Валит волною толпа, и стоять неудобно,
Силы в кулак собери — долго ехать домой.
Больно идут по ногам, бьют по ребрам локтем
нестерпимо,
Это не отдых — защита в жестоком бою.
Стой, и ни шагу назад! Я держу тебе спину,
Значит, уверен, что ты также держишь мою.

Нет нам ни сна, ни покоя, ни точки опоры,
Воздух пропал, погребенный армадою тел.
Крепче, товарищ, держись, облегчение скоро:
Это метро. Так терпи, если сесть не успел.

Я ШЕЛ ДОМОЙ. Огнем горела трасса.
Навстречу ты в расцвете юных лет.
Я сбавил ход и встал, как по приказу —
Твои глаза как знак «Прохода нет».

Я не пушу, сдаваться не согласен.
Ты все нашла, окончен твой поход.
В расстройстве чувств я в обществе опасен,
Так задержишься на миг, на час, на год.

Самим собой я закрывал дорогу,
Твои шаги считая наперед.
Куда спешить? Останься, ради бога!
Сейчас уйдешь, а человек умрет.

Лицом бетон, в отчаянье серею.
Ты уходила, чуть задев плечом.
Я за тебя слону сломал бы шею,
Но не желаешь слышать ни о чем.

Я ОТСТУПАЮ. БАШНЯ равнодушна,
И не глядит в окошко Рапунцель.
Погашен свет. Внутри темно и душно.
Хозяйка спит, а значит, нам не нужно
Будить ее. Она не ждет гостей.

Покрыта мхом стены суровой кладка.
На башне силуэты часовых.
Не спят всю ночь, и никому украдкой
Подкоп не сделать острою лопаткой —
Тут не пускают на порог чужих.

К ее стенам не подойдут обозы
Людей торговых, подвозящих снедь.
Ей не страшны ни снег, ни град, ни грозы,
Ее глаза бойниц таят угрозу,
Холерный мор, чуму, страданье, смерть.

Вокруг нее клыки седых утесов
Сомкнулись так, что обойти нельзя.
Когда идут на приступ, то с откосов
Летят камни, оставляя с носом
Перед завалом тех, что с корабля.

Послушай, нам пора задраить трюмов люки.
Пора домой. У войска пыл остыл.
Я — как Пилат. Я умываю руки.
Живи как хочешь. Отвернулся и забыл.